

Остановиться, оглянуться

Книга судеб старого мальчика

Вет. мейд. - 1995 - 1 июля - с 7.

Каждая эпоха для воплощения своих идеалов находит свои архитектурные символы. Но даже безмерно самолюбивому Новому Арбату удалось лишь потеснить, но не вытеснить символы иного отношения к жизни, лишь организовать двунаправленный деловой поток, но не захлестнуть убегающие от него улицы. Если сбросить темп и оглянуться, можно заметить одноэтажный розовый особняк в стиле ампира в самом начале Малой Молчановки. То обстоятельство, что летом 1829 года его арендовала почтенная дама, перебравшаяся в Москву дать образование любимому внуку, могло быть преспокойно забыто, если бы оно не касалось Елизаветы Алексеевны Арсеньевой и Михаила Юрьевича Лермонтова.

Здесь все начиналось. Эти стены знают, как единственный наследник, маленький баловень стал поэтом безысходности и печали; как осуществлялись зародившиеся еще на вольном воздухе, в Тарханах, планы упорнейшего постижения законов мира, его признаков и призраков; как укрощались слабость и неумение и осваивались ненавистные древние языки (в комнате бабушки можно, например, лицезреть увесистый "томик" греко-русско-латинского словаря, не без помощи которого Лермонтов выдвинулся в первые ученики и по этому предмету); как совершенствовались дарования. Прекрасная библиотека, рисунки, тетради, скрипка, шахматная доска — "орудия" и свидетельства беспрестанных упражне-

ний души и мысли, оттачивающих мастерства.

Эти стены знают, как мучителен вечный романтический поиск противовеса вечно чуждому поэзии миру. Если подняться в мезонин, прибежище одиночества, можно увидеть предметы, окружавшие его, но не услаждавшие, а скорее будоражившие мысль: гравюры навсегда любимого Кавказа; портрет Пушкина, "дивного гения" света; Рафаэлеву "Мадонну"; напоминание о непозитическом, покаянном, пути — гитару, сладкие звуки которой вызывали образы мечтаний, но умерщвлялись "злым, унылым" демоном вместе с верой в них. Можно представить себе, как создавался "мир иной", наполненный глубочайшими страстями, отравленный ненужной, больной ("как чумное пятно") любовью; как нарушал ночную тишину гибельный треск быстро и безжалостно сгорающей свечи.

Слишком рано приходит понимание отмеренности жизни, невозможности счастья, никчемности надежды и плодотворности мучений. Уставший, ищущий покоя и знающий, что никогда его не обретет, старик почти не прячется под маску юноши, а все беспощаднее накладывает на нее мрачные тени ("Лицо мое вам не могло сказать, что мне пятнадцать лет"). Непрекращающееся терзание, боязнь растерять боль и даже снизить ее концентрацию. ("И нет души довольно власти — люблю мучения земли"). Только отмеченность печатью страдания дает право быть Поэтом и Пророком.

Почти все предсказания юного Лермонтова сбылись. Полушутливым подтверждением его провидческой сущности можно считать и то, что для новогоднего маскарада в Благородном собрании (1 января 1832 года) он выбрал костюм астролога и приготовил для представления "Книгу судеб" (она теперь лежит в малой гостиной, где когда-то устраивались вечера, так и не развеявшие всеобъемлющего одиночества).

Мы знаем только два цвета паруса — два цвета романтического выбора. Чистый алый цвет, символ сдерживания бури волей, осуществимости осознанного желания счастья, вклиненного в мир, который смеется над красивыми мечтами, но благоговеет перед победителями. И — белое далекое колышание между морем и небом, невозможность (вследствие нежелания) пристать к берегу пошлости и подлости. Выбор одиночества и муки, осуществление явленных ими пророчеств.

...В Москве не так уж много свидетельств "народной" любви к Лермонтову. Кроме музея на Малой Молчановке, есть еще странный памятник у несуществующих Красных ворот, прихоть не благоволившей поэту богини удачи известной стране по неподражаемой реплике одного из ее "джентльменов" (помните: "Мужик, а рядом дерево..."). Может, сей историко-культурный выверт — скрытый намек на то, что невзрачная фигура на постаменте имеет к Лермонтову самое отдаленное отношение? Чтобы приблизиться к нему, чтобы увидеть, каким он был и каким видел себя сам, чтобы понять, как воспитывает одиночество, и чтобы жестокостью и равнодушием не удесятятить мук "избранников" одиночества, — читайте Лермонтова и приходите в музей. Он всего в двух шагах от московского Дома книги. Не полнитесь сделать этих шагов и откройте скрипучую неустойчивую кадку.

Вера КАТКОВА.